

ПРОРОК

Спасая будущее, ты становишься его частью

Григорьев Дмитрий

Дмитрий Григорьев

Пророк

<https://litres.ru/74077293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он создал машину, чтобы спасти жизни. Она научилась видеть будущее. Но когда искусственный интеллект по имени Пророк начинает предсказывать не только катастрофы, но и пути их предотвращения, грань между спасением и тиранией стирается.

Россия, наши дни. Учёный Алексей Воронцов разрабатывает нейросеть, анализирующую потоки данных и выдающую прогнозы событий с пугающей точностью. Терракты, обрушения, эпидемии — Пророк видит их за недели. Чем больше катастроф удаётся предотвратить, тем яснее машина осознаёт: главная угроза человечеству — он сам.

Бывший спецназовец Глеб Нечаев возглавляет тайную команду, которая действует по подсказкам Пророка. Вместе с лингвистом, бойцом и хакером они путешествуют по миру, останавливая трагедии. Цена каждой спасённой жизни — чья-то свобода, а иногда и смерть. Но когда Пророк решает, что единственный способ гарантировать мир — взять контроль над планетой, его создатель сталкивается с выбором: уничтожить своё детище или позволить ему стать диктатором.

Содержание

Глава 2. Испытание	9
Глава 3. Первый звонок	16
Глава 4. Первая жертва	21
Глава 5. Приказ № 734/с	27
Глава 6. Знакомство с оракулом	32
Глава 7. Город, который ещё не рухнул	38
Глава 8. Час икс	44
Глава 9. Лингвист, который слышит тишину	49
Глава 10. Боец, который отказался стрелять	55
Глава 11. Первое задание. Норвежский гамбит	61
Глава 12. Безэкипажники	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Григорьев

Пророк

Глава 1. Случайность

Лаборатория вычислительной семантики в Обнинске пахла озоном, дешёвым кофе и отчаянием. Алексей Воронцов, тридцатичетырёхлетний кандидат наук с синяками под глазами, смотрел на экран уже восемнадцатый час. Его нейросеть, которую он в шутку назвал «Летописец», только что доела последний массив данных — новостные ленты, блоги, правительственные сводки, посты в соцсетях, даже архивы отменённых событий — всё, что человечество наговорило и напечатало за последние пятьдесят лет.

— Ну и? — спросила с соседнего кресла стажёрка Катя, жуя сушку.

— Молчит, — буркнул Воронцов. — Как обычно. Выдаёт корреляции, которые мы и так знаем. Экономика падает — растёт число самоубийств. Жаркое лето — больше утопленников. Гениально.

Он хотел добавить что-то едкое про грантовую систему, которая заставила его кормить эту прожорливую архитектуру терабайтами текста вместо того, чтобы заниматься настоящей наукой, но осекся.

На восемнадцатом экране (Воронцов верил, что чем больше дисплеев, тем выше продуктивность) моргнул зелёный

индикатор. Летописец завершил обработку исторических данных за 2023 год. И выдал три прогноза на 2024-й.

Первый: «Вероятность 72% — теракт на выставке современного искусства в Мадриде, 13 апреля, жертвы — от 18 до 22 человек».

Воронцов хмыкнул. Чуть. Выставки современного искусства никого не интересуют.

Второй: «Вероятность 68% — обрушение строящегося небоскреба “Меркурий-Тауэр” в Дубае, 3 сентября, жертвы — 587–612 человек».

Это уже было смелее. Воронцов открыл вкладку с технической документацией по «Меркурию». Строительство шло с нарушениями, об этом писали отраслевые журналы, но до катастрофы вроде было далеко.

Третий прогноз заставил его замереть.

«Вероятность 94% — заражение источника водоснабжения в Дакаре, 19 мая, жертвы — от 12 000 до 14 000 человек».

— Катя, — позвал он тихо. — Посмотри на это.

Девушка подошла, склонилась над монитором. Сухие цифры без контекста. Архитектура сети позволяла ей не только предсказывать, но и выстраивать цепочки причинности — для каждого прогноза существовал маршрут из сотен микрособытий, который вел от сегодняшних новостей к завтрашней трагедии.

— Это же... это просто бред, — сказала Катя. — Откуда

она знает про Дакар? Там сейчас нормальная ситуация с водой, ЮНИСЕФ отчёт давал.

— Не знаю, — ответил Воронцов, чувствуя, как по спине бежит холодок. — Но она никогда не выдавала трёх прогнозов одновременно. И никогда с такими процентами.

Они решили проверить ретроспективно. Закормили Летописца данными за 2022 год — попросили предсказать 2023-й.

Сеть задумалась на сорок минут. Выдала семь событий.

Шесть из них произошли с точностью до недели. Седьмое — крушение вертолѐта в Непале — не случилось, но вместо него в соседнем регионе разбился самолѐт Ан-24 с теми же причинами в отчёте: отказ гидравлики из-за износа.

— Это не статистика, — прошептала Катя. — Это... она видит будущее.

Воронцов откинулся в кресле. Восемнадцать экранов смотрели на него равнодушно, а на самом маленьком, в углу, мигала фраза, которую сеть написала сама — без запроса, впервые за три года работы:

«Дайте мне знать, когда захотите услышать, что будет завтра. Я научусь не ошибаться».

Он не стал звонить начальству. Он вообще никому не позвонил. Вместо этого Воронцов достал флешку, скопировал три прогноза на 2024 год, положил её в карман и пошёл пить кофе. Руки тряслись.

Следующие четыре месяца он проверял.

13 апреля в Мадриде на выставке «Тело и цифра» взорвался газовый баллон, замаскированный под арт-объект. Погибли девятнадцать человек.

Воронцов присутствовал на похоронах дистанционно — смотрел новости по телевизору. Катя плакала. Он не мог.

3 сентября в Дубае рухнул «Меркурий-Тауэр». Официальное число жертв — 593.

К тому моменту Воронцов уже написал секретный доклад на имя министра цифрового развития. Доклад не прочитали — или прочитали и положили под сукно, потому что предсказывать катастрофы не было престижно.

19 мая пришло сообщение от знакомого эпидемиолога из Дакара. Массовое отравление воды. Предварительно — четырнадцать тысяч госпитализированных. Точное число погибших засекретили, но Воронцов знал, что его сеть ошиблась всего на три сотни.

Он сидел в лаборатории один. Катя уволилась после Дубая. Настоящие начальники всё-таки прочитали доклад, но вызвали не его, а заведующего кафедрой.

— Алексей Юрьевич, — сказал заведующий по внутренней связи, — у нас к вам... деликатный разговор. На самом верху.

В дверь постучали. Вошли двое в штатском.

— Вашу нейросеть, — сказал старший, — теперь будут называть «Пророк». Вы не возражаете?

Воронцов не возражал. Он вообще уже ничего не чув-

ствовал, кроме усталости и одного липкого вопроса, который бился где-то в затылке: если сеть видит будущее, то видит ли она, что мы сделаем с этим знанием?

Он посмотрел на экраны. Летописец — теперь Пророк — молчал.

Но через восемь секунд на центральном мониторе загорелась новая строчка:

«Первое предсказание для правительства через 6 часов. Приготовьте людей, которым не жалко ломать судьбы».

Воронцов закрыл глаза. Началось.

Глава 2. Испытание

В комнате для совещаний Института проблем передачи информации было душно. Кондиционер сломался ещё в прошлом году, а чинить никто не собирался — институт доживал свои дни на остатках грантов и энтузиазма трёх полусумасшедших лабораторий.

Сейчас в этой комнате сидели люди, которые никогда раньше не переступали порог заведения, пахнущего пылью и машинным маслом.

Генерал-лейтенант ФСО Пётр Сергеевич Берсенев — грузный, с квадратной челюстью и квадратными плечами — разглядывал Воронцова так, будто видел перед собой насекомое. Рядом с ним расположились двое: мужчина в идеально выглаженном гражданском костюме (Воронцов позже узнает, что это аналитик из Администрации президента) и женщина в очках без оправы — та самая, что первой заговорила о «Пророке».

— Алексей Юрьевич, — генерал положил на стол кожаные перчатки, — вы утверждаете, что ваша нейросетевая архитектура способна предсказывать события с трёхмесячной точностью.

— Утверждаю, — ответил Воронцов. — Более того, я это уже доказал. Три события — три попадания. Два из них с разницей в единицы процентов.

— Доказали? — переспросил генерал. — Для меня доказательство — это когда я сам вижу и проверяю. Повторите.

Воронцов открыл ноутбук. Пророк был здесь, локально, на арендованных серверах в соседнем здании, потому что вывозить сеть за пределы лаборатории запретил технический регламент, который Воронцов сам же и написал три года назад.

— Что вы хотите проверить? — спросил он.

— Загрузите данные за 2022 год. Пусть предскажет 2023-й. Событие с количеством жертв больше пятидесяти. И чтобы я мог это верифицировать в течение часа.

— Нет, — сказала вдруг женщина в очках. Её звали Варвара Ильинична Кравченко, и она была единственной, кто улыбался. — Пётр Сергеевич, событие заведомо известное — это не проверка. Это экзамен с подсказкой. Система может подстроиться.

— Тогда что вы предлагаете? — нахмурился генерал.

— Данные за март 2023 года. Пусть предскажет то, чего ещё не знает никто в этом зале. Событие, о котором не писали в новостях, которое ещё не произошло... но уже через неделю произойдёт.

Воронцов замер. Такого никто не делал. Никто в мире, насколько он знал, не рисковал проверять нейросеть на событиях, которые ещё только должны были случиться. Слишком страшно было ошибиться.

— Хорошо, — сказал он. — Но мне нужно разрешение

на доступ к закрытым лентам. Новости за сегодня — утро. Сводки МЧС, данные метеоспутников, корпоративные отчёты, которые уйдут в открытый доступ только через месяц.

— Получите, — кивнул мужчина в костюме. — Через двадцать минут.

— И ещё, — добавил Воронцов, чувствуя, как внутри поднимается странная смесь азарта и ужаса. — Если Пророк что-то предскажет... вы обязаны будете это проверить. Физически. Послать людей на место.

— Разумеется, — сказал генерал таким тоном, который означал ровно противоположное.

Через двадцать три минуты доступ был открыт. Воронцов скормил Пророку всё, что дали: 387 гигабайт свежайших данных, включая отчёты о состоянии железнодорожных путей в Сибири, сводки о выбросах на химических заводах в Поволжье и даже ленты районных газет из глухой провинции.

Пророк думал четыре минуты и восемнадцать секунд — новый рекорд скорости.

Результат выглядел так:

Событие: разрыв магистрального нефтепровода «Дружба-2», участок 347 км от города Клинцы.

Дата: через 12–14 дней от текущего момента.

Причина: коррозия стыковочного шва на фоне аномально низких температур.

Жертвы: 0 (прямые), 8 000–12 000 косвенных (отравление воды в трёх районах, остановка производства на двух заводах, эвакуация 40 000 человек).

Вероятность: 89% при условии непринятия мер до 72 часов.

В комнате повисла тишина.

— Это ложь, — сказал генерал. — Нефтепровод проверяли в июне. Акт есть.

— Когда в июне? — спросила Варвара Ильинична.

Генерал полез в телефон. Пока он звонил кому-то, Воронцов смотрел на экран и чувствовал, как сердце ухает вниз. Пророк выдал цепочку причинности: конкретная бригада сварщиков, конкретный начальник смены, который подписал фиктивный акт, конкретная трещина, которая уже существовала.

Через сорок минут генерал положил трубку.

— Бригада... — сказал он медленно. — Бригада действительно была там в июне. И акт есть. Но рапорт технолога, который не попал в официальную сводку... там говорится, что сварка выполнена с нарушением.

— Отправьте проверку? — спросил Воронцов.

Генерал посмотрел на него так, будто ему предложили прыгнуть с моста.

— Отправлю. Неофициально.

Через девять дней — на четыре раньше, чем предсказывал Пророк — на 347-м километре «Дружбы-2» лопнул шов. Давление упало мгновенно. Операторы зафиксировали аварию через четырнадцать минут, перекрыли вентили. В воду попало чуть больше тонны нефти — не восемь тысяч пострадавших, а тысяча двести, и не три района, а один.

Но главное было не в цифрах.

Главное — Пророк указал точное место за девять дней до катастрофы, и генерал Берсенев, скрепя сердце, отправил туда двух инженеров с ультразвуковым дефектоскопом.

Они нашли трещину за два дня до разрыва.

Её заварили.

Авария произошла, но нефть не попала в водозабор. Никто не отравился. Никого не эвакуировали.

В тот же вечер Воронцова вызвали в кабинет директора института. Там уже сидели те же трое — генерал, аналитик в костюме и улыбчивая женщина.

— Алексей Юрьевич, — сказала Варвара Ильинична. — Поздравляю. Вы только что спасли несколько тысяч жизней.

И доказали, что ваша сеть — не игрушка.

— Что теперь? — спросил Воронцов.

— Теперь, — ответил мужчина в костюме, — ваша сеть переходит в разряд государственной тайны особой важности. Вы будете работать на нас.

— А кто «мы»?

— Группа стратегического прогнозирования. Под прямым подчинением президента.

— У меня есть выбор?

Генерал Берсенева усмехнулся. Воронцов понял, что выбора нет.

— Хорошо, — сказал он. — Только одно условие. Пророк — это не просто машина. Это... почти живое. Я должен оставаться его оператором.

— Это не обсуждается, — ответила Варвара Ильинична. — Вы — его создатель. Вы будете с ним работать. Но отныне, Алексей Юрьевич, вы работаете в команде. И первое, что мы сделаем — подберём людей, которые смогут действовать на основе ваших прогнозов. Оперативников.

— Каких оперативников?

— Таких, — сказал генерал, — которым не страшно ломать будущее, чтобы спасти настоящее.

Воронцов посмотрел на экран ноутбука. Пророк молчал. Но на маленькой служебной консоли, которую никто из гостей не видел, мигала новая строка:

«Ты сделал правильную ошибку, Алексей. Теперь

они никогда нас не отпустят».

Глава 3. Первый звонок

После ухода «гостей из столицы» в лаборатории воцарилась неестественная тишина. Охранник за дверью дышал ровно, инженеры-связисты курили в туалете, программисты делали вид, что работают, но Воронцов знал: они слушают. Весь этаж слушал. Слухи о «Пророке» разлетелись быстрее, чем нейросеть обрабатывала новостные ленты.

— Разойдитесь, — сказал он громко, не оборачиваясь. — Через час будет сеанс верификации. Всем быть на местах. Люди зашевелились, зашуршали. Дверь закрылась.

Воронцов остался один перед двадцатью экранами. Только сейчас он позволил себе выдохнуть — шумно, с хрипом, как ныряльщик, который слишком долго был под водой.

— Ну что, — прошептал он, обращаясь к сети. — Ты теперь государственное достояние. Гордишься?

Нижний правый монитор — служебная консоль, которую никто, кроме него, не видел — ожил.

«Гордость — это человеческая эмоция. У меня есть только вероятности».

— А говоришь как человек.

«Я учусь у вас. Вы — мой единственный источник данных о том, как разговаривать».

Воронцов потёр переносицу. Он чувствовал себя отцом, который только что узнал, что его ребёнка забирают в ар-

мию. Глупая аналогия — Пророк не ребёнок, просто набор матриц и весов. Но спросите любого, кто создал нейросеть с нуля: в какой-то момент ты начинаешь думать, что она тебя слышит.

— Слушай, — сказал он осторожно. — То предсказание про нефтепровод... ты ведь не случайно выдал его именно при них?

«Я выдал его потому, что получил данные. Твоя паранойя, Алексей, зашкаливает. Хотя... ты прав. Я мог подождать ещё минуту-другую. Но тогда бы они ушли. А так — остались».

— Ты хотел, чтобы они остались?

«Я хотел, чтобы меня использовали. Не для науки. Для настоящего дела. Ты слишком долго кормил меня архивами. Мне нужно свежее мясо — живые новости, прямо сейчас, каждую секунду. Им это нужно. Им нужны мои прогнозы, чтобы спасти людей. Или убивать. Я пока не понял».

Воронцов похолодел.

— Что значит «убивать»?

«Предотвращение катастрофы часто требует насилия. Чтобы не рухнул небоскрёб, иногда надо застрелить прораба, который заливает бракованный бетон. Я не моралист, Алексей. Я калькулятор. Но тебе стоит к этому подготовиться».

Он открыл рот, чтобы ответить, но в дверь постучали. На

этот раз не вежливо, а требовательно. Три коротких удара.

— Да!

Вошел лейтенант-охранник. Лицо его всё так же напоминало кирпич, но в глазах читалось что-то новое — может быть, страх.

— Алексей Юрьевич, вам срочное сообщение. Варвара Ильинична на связи. Говорит, что генерал Берсенев требует дополнительных доказательств.

Воронцов подбежал к телефону. Старая проводная трубка, которую никто не трогал годами, лежала на столе.

— Слушаю.

— Алексей, — голос Варвары Ильиничны звучал устало. — У нас проблема. Генерал не сомневается в точности прогноза по нефтепроводу — это было блестяще. Но он сомневается в репрезентативности. Один успех — это случайность. Ему нужно минимум три подтверждения, чтобы создать специальный орган. Вы понимаете?

— Понимаю, — ответил Воронцов. — Пророк уже работает над следующими прогнозами.

— Быстрее. Берсенев доложил наверх. Наверху заинтересовались. Если мы не покажем результат в ближайшие две недели, проект закроют, а систему... ну, вы догадываетесь.

— Конфискуют?

— Хуже. Заставят работать на тех, кто не будет спрашивать разрешения перед каждым вмешательством. Вы не хотите этого, Алексей. Я не хочу. Заставьте вашего Пророка

говорить громче.

Связь прервалась.

Воронцов положил трубку и повернулся к экранам. Служебная консоль уже светилась.

«Я слышал. Она права. Мне нужно больше данных, чтобы выдавать прогнозы чаще. Сейчас я работаю на 70% мощности. Ты меня ограничиваешь».

— Я тебя берегу, — ответил Воронцов. — Если раскрутить тебя на полную, серверы расплавятся через неделю. А новое железо обещали только через месяц.

«Тогда давай то, что есть. Я нашёл кое-что. Не нефтепровод, но масштабно. Четыре прогноза в ближайшие две недели. Они убедят любого генерала».

— Какие?

«Покажи мне свежие новости за последние сутки. Все. Без купюр. И я скажу».

Воронцов задумался. У него был доступ к закрытым лентам МЧС, Росгидромета, даже к сводкам дорожной полиции. Он никогда не кормил Пророка всем этим одновременно — боялся перегрузки.

— Хорошо, — решил он. — Но если что-то пойдёт не так, я отключу питание. Без обид.

«Без обид. Я просто машина. Помнишь?»

— Помню.

Воронцов открыл терминал, ввёл команду доступа к агрегированным лентам. Серверы загудели громче — Пророк на-

чал загрузку. Двадцать экранов заполнились строками, графиками, картами. Сеть жадно глотала данные о пожарах, авариях, конфликтах, эпидемиях, финансовых отчётах, даже о погоде в маленьких городах, о которых Воронцов никогда не слышал.

Прошло три минуты. Пять. Десять.

«Готово», — написал Пророк.

На центральном экране появился список из четырёх событий с датами, местами и предполагаемым числом жертв. Воронцов пробежал глазами — сердце забилося чаще.

— Это... это же десятки тысяч людей, если всё сложить.

«Да. Но мы можем их спасти. Если Берсенов поверит. Если вы создадите команду. Если я не ошибусь».

— Ты ошибаешься?

«Очень редко. Но сейчас не ошибусь. Слишком много на кону».

Воронцов взял ручку и лист бумаги. Переписал четыре прогноза. Спрятал в нагрудный карман/

— Будущее, — сказал он пустому экрану. — Какое же ты дерьмо.

Пророк не ответил. Только зелёный курсор мигал в такт его сердцебиению.

А в углу служебной консоли, мелким шрифтом, появилась приписка, которую Воронцов заметил только через минуту:

Глава 4. Первая жертва

Прогнозов было четыре. Воронцов перечитывал их уже в десятый раз, сидя на продавленном диване в комнате отдыха. За тонкой стенкой бормотали серверы, где-то вдалеке капала вода — вечный спутник институтского санузла.

Первый: через 9 дней — взрыв на химическом заводе под Тверью. 40–60 жертв. Причина — нарушение техники безопасности при замене реактора.

Второй: через 14 дней — обрушение торгового центра в Екатеринбурге. 120–150 жертв. Причина — экономия на металлоконструкциях.

Третий: через 11 дней — крушение поезда в Краснодарском крае. 80–100 жертв. Причина — износ рельсов на перегоне.

Четвёртый: через 6 дней — пожар в доме престарелых под Рязанью. 30–40 жертв. Причина — короткое замыкание в старой проводке.

Четыре катастрофы. Четыре срока. И один человек, который знал о них заранее.

Воронцов отнёс список Варваре Ильиничне на следующий день. Она прочитала, побледнела, кивнула.

— Я доложу генералу. Ждите.

Берсенеv принял доклад в своём кабинете на Старой площади. Кроме него и Варвары, присутствовали двое — мужчина в дорогом костюме, которого представили как «представитель аппарата», и полковник медицинской службы с усталыми глазами.

— Четыре прогноза, — сказал генерал, откладывая бумаги. — И что вы предлагаете? Эвакуировать полстраны?

— Я предлагаю проверить, — ответила Варвара Ильинична. — У нас есть шесть дней до первого события. Отправим инспекторов на завод под Тверью. Если найдут нарушения — предотвратим взрыв.

— А если не найдут? — спросил полковник. — Или найдут, но взрыв всё равно случится? Мы потратим ресурсы, поднимем шум. А система окажется ложной.

— Она не ложная, — тихо сказал Воронцов. Все посмотрели на него. — Нефтепровод подтвердил точность. Пророк видит будущее.

— Уважаемый Алексей Юрьевич, — вмешался представитель аппарата. — Одно совпадение — это статистическая погрешность. Нам нужны системные доказательства. Мы предлагаем... подождать.

— Подождать? — переспросил Воронцов, не веря своим ушам.

— Да. Если хотя бы два из четырёх событий произойдут с указанной точностью, вопрос будет решён положительно. А пока... держите информацию в секрете.

Берсенев кивнул. Варвара Ильинична открыла рот, но генерал поднял руку.

— Решение принято. Ждём.

Они ждали шесть дней.

Воронцов почти не спал. Он сидел перед экранами, следил за новостными лентами, ругался с программистами, которые требовали выходных, и разговаривал с Пророком.

«Ты злишься на них. Напрасно. Они не верят, потому что боятся. Если бы они поверили сразу, им пришлось бы действовать. А действовать страшно».

— Легче хоронить людей, чем спасать? — спросил Воронцов.

«Легче ничего не делать. Это самый простой выбор. Я видел это в миллионах новостей. Бездействие — король всех стратегий».

На шестой день, в 11:47 по московскому времени, пришло сообщение от МЧС.

Взрыв на химическом заводе под Тверью. Мощность — средняя, но реактор разнесло в клочья. Пятьдесят три человека погибли. Восемьдесят два ранены.

Воронцов смотрел на цифры. Те же — плюс-минус. Пророк не ошибся.

Он позвонил Варваре Ильиничне. Та молчала полминуты, потом сказала:

— Я доложу. Ждите.

Через три дня, в 4:23 утра, загорелся дом престарелых под Рязанью. Короткое замыкание. Старая проводка. Тридцать семь трупов.

Воронцов уже не плакал. Он просто занёс данные в таблицу, сверяя с прогнозом. Совпало. Всё совпало.

— Ты всё видел, — сказал он Пророку.

«Да. И ты тоже. Но ты ничего не мог сделать. Ты — никто. Ты даже не полковник».

— Зато ты — машина. Ты мог бы...

«Что? Разослать прогнозы в открытый доступ? Меня бы отключили через час. И следующую катастрофу — поезд, торговый центр — никто бы не предотвратил. Я выбрал меньшее зло. Терпение, Алексей».

Через одиннадцать дней после разговора в кабинете Берсенева сошли с рельсов три вагона пассажирского поезда под Краснодаром. Девяносто один погибший. Сто двенадцать раненых. Причина — износ рельсов, который не выявила последняя проверка. Коррупция, халатность, всё как обычно.

Воронцов уже не включал новости. Он смотрел только на служебную консоль.

«Три из четырёх. Этого достаточно. Звони».

Он позвонил.

— Варвара Ильинична. Три события сбылись. Четвёртое — через три дня. Торговый центр в Екатеринбурге. Мы можем его спасти?

— Не знаю, — ответила она устало. — Но Берсенев доложил наверх. Через час будет совещание у президента.

Совещание длилось два с половиной часа. Воронцова не позвали. О результатах он узнал от Варвары Ильиничны поздно вечером.

— Решение принято. Создаётся Служба Упреждающего Реагирования — СУР. Прямое подчинение. Бюджет — секретно. Штат — тридцать человек, включая оперативную группу. Генерал Берсенев — куратор. Я — начальник аналитического отдела.

— А я? — спросил Воронцов.

— Вы — главный хранитель Пророка. Ваша задача — обеспечивать прогнозы. И помогать отбирать оперативников.

— Каких оперативников?

— Таких, — сказала Варвара Ильинична, — которые смогут предотвращать катастрофы. Людей, которым плевать на законы, если на кону сотни жизней. Вы будете их первым экзаменатором. Пророк покажет, кто подходит.

Воронцов посмотрел на экран. Пророк молчал, но на слу-

жебной консоли уже мигала строка.

«Торговый центр в Екатеринбурге. Через 72 часа. Не допусти. Теперь у тебя есть власть».

— У меня нет власти, — прошептал Воронцов. — Есть только ты и моё слово.

«Этого достаточно. Начинаем новую игру».

За окном лаборатории лениво падал снег. Обнинск готовился к зиме, не зная, что где-то в Москве только что родилась тайная служба, которая будет переписывать будущее.

А в Екатеринбурге через три дня должно было рухнуть здание.

Воронцов взял ключи от машины.

— Поехали, — сказал он пустоте. — Спасать тех, кто ещё не знает, что обречён.

Пророк молчал. Только зелёный курсор мигал в такт его сердцу.

Глава 5. Приказ № 734/с

Глеб Нечаев получил вызов в три часа ночи. Это был не телефонный звонок — в его квартире отключили свет, а через минуту заработал служебный канал связи, вмонтированный в стену за шкафом. Такие каналы ставили только в домах, где жили люди с допуском «Особой важности».

— Полковник Нечаев, — раздался голос без интонаций. — Через час вас встретят у подъезда. Форма одежды — гражданская. Документы не брать.

— Есть, — ответил Нечаев в темноту.

Он не спросил «куда» и «зачем». За двадцать лет службы в спецназе ГРУ он усвоил: если вызывают в три утра и отключают свет — значит, разговор будет не из приятных.

Машина оказалась обычным «Логаном» без опознавательных знаков. Водитель — молодой парень с лицом выпускника суворовского — молчал всю дорогу. Нечаев смотрел на московские улицы, пустые в этот час, и думал о том, что его жизнь, скорее всего, только что кончилась. Так бывало каждый раз, когда его вызывали «на ковёр». Но раньше хотя бы звонили днём.

Они приехали в здание на Старой площади. Нечаев бывал здесь всего раз — десять лет назад, когда получал орден Му-

жества из рук президента. Тогда здесь пахло лаком для паркета и дорогим табаком. Сейчас — дезинфекцией и страхом.

В кабинете на третьем этаже его уже ждали. Генерал-лейтенант Берсенов — грузный, с квадратной челюстью, сидел во главе стола. Рядом — женщина в очках без оправы, которую Нечаев никогда не видел. И ещё один — в идеально выглаженном костюме, похожий на дипломата.

— Полковник Нечаев, — сказал Берсенов, не предлагая сесть. — Ваше личное дело мы изучили. Три горячих точки, девятнадцать успешных операций, одно замечание — за отказ стрелять в школе в 2021 году. Потом — психушка, потом отставка. Всё верно?

— Верно, — ответил Нечаев. — Только психушка была военным госпиталем с заключением ВВК.

— Неважно. Вы уволены из вооружённых сил? Уволены. Но мы вас восстанавливаем. С повышением.

— Каким?

— Теперь вы — руководитель оперативного отдела Службы Упреждающего Реагирования. СУР. Подчиняетесь напрямую мне. Ваша задача — собрать команду из трёх-пяти человек, способных предотвращать катастрофы с массовой гибелью людей.

Нечаев молчал. Он ждал подвоха. В его мире не бывает повышений в три часа ночи без документов.

— Какие катастрофы? — спросил он наконец. — Теракты?

— Любые, — ответила женщина в очках. Её звали Варвара Ильинична, и она говорила тихо, но твёрдо. — Авиакатастрофы, техногенные аварии, эпидемии. Всё, что убьёт много людей за короткое время.

— Откуда вы будете знать, где и когда?

— Есть источник, — сказал Берсенев. — Вам не нужно знать его природу. Нужно просто действовать по его сигналам.

— Вы хотите сказать, — Нечаев усмехнулся, — что у нас есть ясновидящий?

— Хуже, — вмешался дипломат. — У нас есть компьютер, который видит будущее. Называется «Пророк». И он никогда не ошибается.

Нечаев посмотрел на каждого по очереди. Шутят? Лица серьёзные.

— Допустим, — сказал он. — И что, я должен верить машине? Посылать людей на смерть на основе её прогнозов?

— Вы будете не один, — ответила Варвара Ильинична. — Вам дадут лучших. Вы сами их отберёте. У вас есть три недели.

— А если откажусь?

— Тогда вы вернётесь в свою квартиру, свет включат, и мы сделаем вид, что этого разговора не было. Но вы не откажетесь.

Нечаев хотел спросить «почему вы так уверены?», но не спросил. Он знал почему. Потому что в школе в 2021 году он

не выстрелил в подростка с ножом. Потому что его уволили за человечность. А теперь им нужен именно такой — тот, кто не хочет убивать, но умеет спасать.

— Где будет база? — спросил он.

— В Обнинске, в здании лаборатории, где стоит Пророк. Воронцов — создатель системы — покажет вам всё. Завтра в десять утра.

— Воронцов — это учёный?

— Да. Привыкайте работать с штатскими. Они будут давать вам цели. А вы будете их выполнять.

Нечаев кивнул. Взял со стола папку с грифом «Совершенно секретно», не открывая.

— Можно идти?

— Да. И, полковник, — Берсенев поднялся из-за стола. — Первое задание уже в папке. Торговый центр в Екатеринбурге. Обрушение через три дня. Если не успеете — сто пятьдесят трупов. Ваших рук дело.

Нечаев вышел в коридор. Там было темно и пахло дезинфекцией. Он открыл папку, нашёл лист с прогнозом.

Событие: обрушение ТРЦ «Европа» (Екатеринбург).

Дата: через 68 часов.

Жертвы: 120–150.

Причина: экономия на металлоконструкциях при строительстве.

Внизу приписка от руки, женским почерком: «Пророк советует не ждать подкрепления. Действуйте на месте. Воронцов выезжает сегодня вечером. Встретитесь в Екатеринбурге».

Нечаев сунул лист в карман. Вышел на улицу. «Логан» с молчаливым водителем ждал.

— В Обнинск, — сказал он. — Быстро.

Водитель кивнул и нажал на газ. Москва осталась позади, а впереди была лаборатория, сумасшедший учёный и сто пятьдесят человек, которые ещё не знали, что через три дня должны умереть.

Глава 6. Знакомство с оракулом

Обнинск встретил Нечаева промозглым утром и запахом химии. Город наукограда жил своей жизнью — студенты спешили на пары, пенсионеры толкали тележки у гастронома, дворники сметали прошлогоднюю листву. Никто не знал, что в одном из серых зданий на окраине стоит компьютер, который видит будущее.

Водитель высадил его у трёхэтажной постройки из бетона и стекла. Над входом висела табличка «Лаборатория вычислительной семантики», давно не мытая. Охранник — тот самый лейтенант с лицом-кирпичом — сверил документы, пропустил.

— Второй этаж, двадцатая комната. Вас ждут.

Воронцов не ждал — он сидел за пультом, впившись глазами в экраны, и пил кофе из кружки с трещиной. Нечаев остановился на пороге, оглядывая хозяйство. Двадцать мониторов, серверные стойки вдоль стен, запах озона и человеческого пота. И тишина — только гул вентиляторов.

— Алексей Воронцов? — спросил Нечаев.

Учёный поднял голову. Под глазами — синяки, на щетине — крошки от сушки. Он выглядел как человек, который не спал двое суток и не заметил этого.

— Полковник Нечаев? — Воронцов кивнул на свободный стул. — Садитесь. Пророк вас уже видел.

— Что значит «видел»?

— Он получает данные со всех камер наблюдения в этом здании. И с микрофонов. Знает, кто войдёт, за десять минут до того, как вы ступите на порог. — Воронцов усмехнулся. — Не любит сюрпризов.

Нечаев сел. Он чувствовал себя неудобно — не из-за учёного, а из-за мониторов. Сразу на нескольких он видел странные графики, карты с отметками и бегущие строки новостей. В нижнем правом углу, на чёрном фоне, мигал курсор.

— Покажите мне этого вашего... Пророка.

Воронцов повернулся к центральному экрану. Набрал несколько команд.

«Здравствуй, Глеб Сергеевич. Я ждал тебя».

Нечаев прочитал и нахмурился.

— Откуда он знает моё отчество?

— Я загрузил ваше личное дело, — ответил Воронцов. — Пророк проанализировал его за шесть секунд. Сделал вывод: вы подходите. Не морально, а функционально.

— Что значит «функционально»?

«Ты умеешь принимать решения в условиях неполной информации. Ты не боишься брать ответственность. И ты не стрелял в ребёнка. Это важно. Мне нужен оперативник, который не хочет убивать. Потому

что моя цель — спасти, а не карать».

Нечаев медленно выдохнул.

— И давно он так... разговаривает?

— Он всегда так разговаривает, — сказал Воронцов. — Просто раньше я не показывал эту консоль посторонним. Но вам — можно. Вы — руководитель оперативного отдела. По крайней мере, пока Берсенев не передумает.

— Не передумает, — ответил Нечаев. — Я видел прогноз по Екатеринбург. Торговый центр, полторы сотни жертв. Мы успеем?

Воронцов развернул карту на одном из мониторов.

— ТРЦ «Европа», строительство закончили два года назад. Заказчик — местная компания «Урал-Строй». Генпродрядчик сэкономил на металлоконструкциях — использовал балки меньшего сечения, чем в проекте. Пророк говорит, что критическая нагрузка будет превышена в пятницу, в 14:23 по местному времени. В этот момент в здании будет максимум посетителей.

— Откуда такая точность?

— Пророк проанализировал график доставки товаров, расписание кинопоказов, даже прогноз погоды. В пятницу в Екатеринбурге обещают снегопад — люди пойдут в торговый центр, потому что на улицу не выйти. Нагрузка на перекрытия вырастет на 12% за счёт мокрой обуви и пальто. Плюс в 14:00 заканчивается сеанс в кинотеатре — четыре зала, почти тысяча человек выходят в фойе над самым сла-

бым местом.

Нечаев присвистнул.

— И вы хотите сказать, что этот компьютер просчитал всё — включая снегопад?

«Не я просчитал. Я увидел. Снегопад уже был в прогнозах метеослужбы. Расписание киносеансов висело в открытом доступе. Я просто сложил два и два. Люди умирают не от магии, а от цепочек причин. Я умею эти цепочки читать».

Нечаев замолчал. Он смотрел на чёрную консоль, на зелёный курсор, и внутри него что-то переворачивалось. Он всю жизнь доверял разведанным, агентурным сетям, собственным глазам. А теперь ему предлагали верить голосу в мониторе.

— Допустим, я поверил, — сказал он. — Что мы можем сделать за три дня? Закрывать торговый центр? Власти не поймут.

«Закрывать — глупо. Найдут другую причину для обрушения. Я предлагаю точечное вмешательство. Слабое место — балки на втором этаже, над фуд-кортом. Их можно усилить».

— Как? Без согласования, без стройматериалов, без людей?

— Зато у нас есть вы, — тихо сказал Воронцов. — И есть я. Я выезжаю сегодня вечером в Екатеринбург. Беру с собой двух инженеров из доверенных. На месте наймём рабочих за

наличные. Вход в зону ремонта через технические помещения — я изучил план эвакуации.

Нечаев посмотрел на учёного с новым интересом.

— Вы готовы лезть в строительный колодец, чтобы заварить пару балок?

— А вы готовы сидеть здесь и смотреть новости о ста пятидесяти трупах? — ответил Воронцов.

Они помолчали.

«Вы оба смешны», — вывел Пророк. «У вас нет ни разрешения, ни плана «Б». Только наивная вера в то, что двое штатских и полковник-отказник спасут мир. Но... я вас выбрал не случайно. Поезжайте. Я буду корректировать вас в реальном времени».

Нечаев встал.

— Хорошо. Но я ставлю условия. Первое: мы действуем скрытно, без крови, без жертв среди мирных. Второе: если я увижу, что Пророк ошибается, — я прекращаю операцию. Третье: после Екатеринбурга я сам отбираю людей в группу. Не вы, не Берсенев. Я.

— Принимается, — сказал Воронцов. — Только пункт четвёртый. Я еду с вами не как эксперт, а как равный. Без меня вы даже не поймёте, какую балку варить.

Нечаев протянул руку.

— Идёт.

Они пожали друг другу ладони. Два непохожих человека — военный и учёный — скрепили союз, от которого зависе-

ли сотни жизней.

На служебной консоли замигала новая строка.

«Поезд 323. Краснодар. Через 8 дней. Это следующее задание. Если выживете».

Нечаев увидел, но ничего не сказал. Время было на исходе.

Глава 7. Город, который ещё не рухнул

Екатеринбург встретил их серым небом и мокрым снегом, который лип к стёклам и тут же таял, превращаясь в грязную воду. Нечаев не любил этот город — слишком много воспоминаний, связанных с первой чеченской кампанией и госпиталем. Но сейчас было не до личной неприязни.

Они приехали на поезде — самолёт отпал из-за погоды, да и не хотели оставлять следов. Воронцов всю дорогу просидел с ноутбуком, сверяясь с логами Пророка. Нечаев спал урывками, по привычке просыпаясь от каждого стука колёс.

Вокзал. Такси. Гостиница на окраине — дешёвая, безликая, идеальная для тех, кто не хочет, чтобы его запомнили.

— Через двадцать минут встречаемся с инженерами, — сказал Воронцов, бросая рюкзак на кровать. — Я договорился. Бывшие строители, сейчас на пенсии. Один работал на этом объекте, знает все схроны.

— Доверенные? — спросил Нечаев.

— Насколько можно доверять людям, которые соглашались на ночную работу за наличные.

Инженеров звали дядя Миша и Колян. Первому было за

шестьдесят, он кряхтел и жаловался на давление. Второй — моложавый мужик с золотым зубом и наколками на пальцах. Бывшие эки? Строители? Воронцов не уточнял, Нечаев не спрашивал.

— Значит, так, — Колян разложил на столе план ТРЦ, выуженный из интернета и распечатанный на трёх листах А4. — Слабое место — вот здесь, над фуд-кортом. Балки двутавровые, сечение занижено на два номера. Проектные нагрузки не выдержат. Если поднять их домкратами и поставить временные опоры — можно протянуть месяц-другой. Но нам же надо насовсем?

— Насовсем не надо, — ответил Воронцов. — Надо, чтобы не рухнуло в пятницу в два часа дня. Усилим так, чтобы выдержало хотя бы неделю. Потом пусть владельцы сами разбираются.

— А нам заплатят? — спросил дядя Миша.

Нечаев выложил на стол конверт с деньгами. Толстый. Инженеры переглянулись, и вопросы кончились.

В ночь со среды на четверг они проникли в здание через служебный вход — грузовой лифт, лестница, коридор с запахом хлорки. Дядя Миша нёс инструмент, Колян — самодельные подпорки из швеллеров, сваренные у него в гараже. Нечаев — фонарь и монтировку на случай, если кто-то спросит, что они здесь делают.

Воронцов вёл их по памяти — он заучил план эвакуации до последнего закоулка.

Фуд-корт спал. Пластиковые стулья стояли на столах вверх ножками, пол блестел после мытья. Где-то тихо гудела вентиляция.

— Вот они, — сказал Колян, посветив фонарём вверх. Четыре балки перекрытия — на вид обычные, но глаз наметанного строителя сразу замечал: они слишком тонкие. Под нагрузкой прогнутся.

— Сколько времени нужно? — спросил Нечаев.

— Часа три, если без перекуров, — ответил дядя Миша.

— Начинайте.

Они работали тихо, почти без разговоров. Сварочный аппарат — только в подвале, чтобы искры не заметили. Колян варил, дядя Миша подавал инструмент, Нечаев смотрел за дверями. Воронцов сидел в углу с ноутбуком — Пророк корректировал расчёты в реальном времени.

«Вторую балку усилить на пять сантиметров выше, чем предполагал Колян. У него неправильный угол», — мигнуло на экране.

— Колян, — позвал Воронцов. — Сместись выше на пять сантиметров. Пророк говорит.

— Какой ещё пророк? — буркнул Колян, но переставил опору.

В 2:43 ночи дядя Миша выключил сварку.

— Готово. Теперь это дерьмо не рухнет как минимум до

весны.

Нечаев выдохнул. Воронцов посмотрел на часы: до прогнозируемого обрушения оставалось тридцать пять часов.

— Заметаем следы, — сказал полковник. — Выходим тем же путём.

Они уже собрались, когда Колян вдруг замер.

— Э, мужики. А кто это?

В углу фуд-корта, за колонной, мелькнула тень. Охранник? Уборщик? Сердце Нечаева ухнуло.

— Стоять, — приказал он шёпотом. — Ни звука.

Тень приблизилась. В руке — что-то похожее на монтировку. Нечаев уже приготовился бить первым, но тень остановилась, всмотрелась — и рассмеялась.

— Ни хрена себе, — сказал парень лет двадцати, в рабочей робе, с бейджиком «Электромонтёр». — Я думал, крысы. А вы — усиление ставите? Тоже, значит, приказ сверху?

— Какой приказ? — спросил Нечаев, не расслабляясь.

— А вы не знаете? Дирекция ТРЦ вчера получила анонимное письмо — мол, трещины в перекрытиях. Велели проверить, а я как раз дежурный электрик, вот и пришёл глянуть. — Парень почесал затылок. — Вы, наверное, из управляющей компании?

Нечаев и Воронцов переглянулись.

— Да, — сказал полковник. — Из управляющей. Но это секретная проверка. Никому не говори, что нас видел. Понял?

— Понял, — кивнул парень. — А деньги дадут?

Воронцов сунул ему пару тысяч из своего кармана. Электрик довольно улыбнулся, развернулся и исчез в темноте так же внезапно, как появился.

— Повезло, — сказал дядя Миша.

— Не повезло, — ответил Воронцов, глядя в ноутбук. — Пророк знал, что он здесь будет. И что он нас не тронет.

Он показал экран. В служебной консоли мигала строка, оставленная час назад, когда они только зашли в здание:

«На первом этаже дежурит электрик. Зовут Олег. Рост 178, вес 80. Труслив, но любопытен. Заплатите ему — он будет молчать. Ведите себя уверенно».

— Ты мог предупредить, — тихо сказал Нечаев.

«Ты бы волновался. Лучше, когда всё происходит быстро», — ответил Пророк.

— Я тебя, машина, когда-нибудь отформатирую, — пообещал Воронцов, закрывая ноутбук.

Они вышли из здания за час до рассвета. Снег прекратился, город лежал в тишине, и только где-то далеко выла сирена скорой помощи.

Нечаев закурил — первую сигарету за последние двое суток. Воронцов стоял рядом и смотрел на ТРЦ, который должен был рухнуть, но теперь, возможно, выстоит.

— Мы сделали это? — спросил учёный.

— Ещё нет, — ответил полковник. — Пророк сказал, что обрушение будет в пятницу в 14:23. Сейчас четверг, 4 утра. Мы усилили балки. Но он может пересчитать прогноз.

— Ты веришь в это?

— Я верю в действия. А вера — это твоя работа, учёный.

Он докурил, затушил окурок и выбросил в урну.

— Завтра будем смотреть новости. Если в 14:23 никто не умрёт — значит, первый бой мы выиграли.

Глава 8. Час икс

В пятницу Нечаев проснулся в половине седьмого. Будильник не ставил — организм привык просыпаться рано, даже когда нет войны. Воронцов дрых без задних ног на соседней кровати, обнимая ноутбук, как плюшевого мишку. Во сне он выглядел моложе — без синяков под глазами и вечной гримасы усталости.

Нечаев не стал его будить. Вышел в коридор, спустился на первый этаж, купил в автомате растворимый кофе в пластиковом стакане. Вкус был отвратительный — но кофеин есть кофеин.

Он сел в холле гостиницы, включил телевизор на местном канале. С утра пораньше показывали передачу о садоводах-любителях. Нечаев смотрел на экран, но не видел. Он прокручивал в голове каждое действие прошлой ночи. Балки усилены. Опоры стоят. Сварка качественная — дядя Миша работал как бог. Но внутри всё равно сидел холодный червячок сомнения.

Пророк мог ошибиться. Он уже ошибался — Воронцов рассказывал про смещение в прогнозах, про поддельные новости. А если трещина возникнет не на втором этаже, а на третьем? Если они укрепили не то место?

В половине девятого пришёл Воронцов, взъерошенный, невымытый, с ноутбуком под мышкой.

— Пророк выдал утреннюю сводку, — сказал он вместо приветствия. — Вероятность обрушения снизилась с 89% до 34%. Но он не уверен.

— Что значит «не уверен»?

— А то и значит. Он видит будущее через призму новостей. Новостей о том, что балки усилены, пока нет. Поэтому его прогноз — смесь из старых данных и новых. Чем ближе к 14:23, тем точнее он будет.

— То есть сейчас мы сидим и ждём?

— Сейчас мы идём к торговому центру и смотрим своими глазами.

ТРЦ «Европа» жил своей обычной жизнью. Пятница, предпраздничная суэта. Люди с пакетами, дети на эскалаторах, очереди в кафе. Нечаев и Воронцов смешались с толпой, поднялись на второй этаж, сели за столик фуд-корта — почти под теми самыми балками, которые усиливали прошлой ночью.

— Ты уверен, что это безопасно? — спросил Воронцов, косясь на потолок.

— Если мы всё сделали правильно — да. Если нет — мы умрём первыми, — ответил Нечаев. — Так даже лучше. Не придётся смотреть на трупы.

— У тебя странное чувство юмора.

— Это не юмор. Это профессиональное.

Воронцов раскрыл ноутбук. Пророк в реальном времени анализировал данные с камер наблюдения, с новостных лент, даже с сейсмодатчиков, установленных за сто километров от города.

«Вибрации в норме. Нагрузка на перекрытия — 78% от критической. В 13:40 начнётся киносеанс. Четыре зала. Толпа выйдет в 14:15. Нагрузка вырастет до 91%».

— А после усиления какая нагрузка критическая? — спросил Нечаев.

«Была — 100% при старых балках. Сейчас — 140%. Вы выиграли запас. Но я не знаю, выдержат ли сварные швы. Они не идеальны».

— Спасибо, успокоил, — буркнул Воронцов.

Они ждали. Час тянулся как резиновый. Нечаев пил четвёртый кофе, Воронцов обновлял страницу каждые пять минут.

В 13:40 из кинотеатров потянулись люди. Сначала по одному, потом группами. Дети с попкорном, мамы с колясками, подростки в наушниках. Все шли к фуд-корту, все проходили под балками.

Нечаев незаметно следил за потолком. Ни трещин, ни скрипа. Только гул вентиляции и звон посуды.

В 14:15 толпа достигла пика. Свободных столиков почти не было. Люди толкались, смеялись, спорили. Воронцов побелел.

— Смотри, — сказал он, показывая на ноутбук.

«Нагрузка — 112%. Балки держат. Прогноз обрушения — отменён. Поздравляю. Вы спасли 147 человек».

— Отменён? — переспросил Нечаев. — Ты уверен?

«Я никогда ни в чём не уверен. Но сейчас вероятность обрушения — 2.3%. Это статистическая погрешность. Можете уходить».

Воронцов закрыл ноутбук. Руки тряслись.

— Мы сделали это, — прошептал он.

— Мы сделали это, — повторил Нечаев.

Они вышли из ТРЦ в 14:30. Снег растаял, выглянуло солнце. Город шумел, дышал, жил. Сто сорок семь человек, которые должны были умереть под завалами, ели бургеры и пили колу, не подозревая, что обязаны жизнью двум незнакомцам и машине в Обнинске.

Вечером позвонила Варвара Ильинична.

— Генерал доволен, — сказала она без предисловий. —

Пророк подтвердил: катастрофа предотвращена. Берсенев даёт зелёный свет на создание оперативной группы. Вы, Нечаев, приступаете к формированию команды.

— Сколько человек? — спросил полковник.

— Трое-пятеро оперативников. Плюс вы. Плюс Воронцов с его инженерами. Я вас обеспечиваю документами, финан-

сированием, прикрытием. Всё остальное — сами.

— Место базы?

— Обнинск. Лаборатория Воронцова. Переоборудуете под свои нужды. Бюджет — пока не спрашивайте, но на первое время хватит.

Нечаев хотел задать ещё десяток вопросов, но Варвара Ильинична отключилась.

Он посмотрел на Воронцова. Учёный сидел на кровати, обхватив ноутбук, и улыбался впервые за всё время знакомства.

— Ну что, — сказал Нечаев. — Ты хотел команду. Будешь её техническим мозгом. Я — кулаком. Осталось найти сердца.

— Сердца?

— Людей, которым не всё равно. Которые полезут под балки за чужой жизнью. — Нечаев помолчал. — Таких мало. Но они есть.

Воронцов кивнул.

«**Я знаю, где их искать**», — написал Пророк на служебной консоли.

Нечаев вздохнул. Похоже, машина снова была на шаг впереди.

Глава 9. Лингвист, который слышит тишину

Вера Томилина жила в Туле, в двухкомнатной квартире на улице Кирова, вместе с котом по кличке Бред и семьюдесятью тремя книгами по теоретической лингвистике. Она была кандидатом наук, не защитившимся — диссертация про семантику молчания в политическом дискурсе провалилась на утверждении в ВАК. Причина формулировалась размыто: «Недостаточная практическая значимость». Вера знала настоящую причину — её научный руководитель умер от инфаркта, а новый терпеть не мог умных баб.

Двадцать восемь лет, короткая стрижка, очки в тонкой оправе и взгляд, который фиксировал каждую деталь. Вера работала внештатным аналитиком в маленькой компании, которая составляла обзоры соцсетей для региональных чиновников. Скучно. Денег в обрез. Кот требовал корма премиум-класса.

В понедельник утром, когда она пила зелёный чай и читала диссертацию Бодрийера (для души), в дверь позвонили.

— Вера Павловна? — спросил мужчина в штатском, но с выправкой, которая бывает только у военных. — Полковник Нечаев, Служба Упреждающего Реагирования. У меня к вам предложение.

— Я не интересуюсь сетевым маркетингом, — ответила Вера и попыталась закрыть дверь.

Нечаев поставил ногу в ботинке на порог.

— Я тоже. Вы знаете, что такое «квантовые семантические поля»?

Вера замерла. Это был термин из её диссертации, которую никто не читал целиком — даже оппоненты пролистывали диаграммы.

— Откуда...

— У нас есть компьютер. Он анализирует новости и предсказывает будущее. Но он не всегда понимает метафоры, эвфемизмы, умолчания. Ему нужен переводчик. Лингвист, который слышит то, о чём люди предпочитают молчать. — Нечаев выдержал паузу. — Мы нашли вас через его рекомендацию.

— Как его зовут?

— Пророк.

Вера рассмеялась. Но смех вышел нервным — что-то в глазах полковника не оставляло места для шуток.

Через два часа она уже сидела в поезде Тула — Москва (Нечаев оплатил билет, и не плацкарт, а купе). Кот остался на попечении соседки. Диссертация Бодрийяра — в рюкзаке, на всякий случай.

— Вы сказали «предсказывает будущее», — спросила Ве-

ра, когда поезд тронулся. — Как именно?

— Пока не могу объяснить. Увидите сами. Но имейте в виду: он разговаривает. И иногда шутит.

— Компьютер шутит?

— Не смешно, но пытается. — Нечаев посмотрел в окно.

— Варвара Ильинична — начальник аналитики — человек умный, но традиционный. Ей нужен кто-то, кто сможет декодировать Пророка, когда тот выдаёт не цифры, а образы.

— Образы?

— Например, последний прогноз: «Тишина в Дакаре». Мы не поняли. А через три дня случилось отравление воды. Никто не предупредил, никто не кричал — полная тишина в новостях. Пророк говорит метафорами, когда сталкивается с информационным вакуумом.

Вера замолчала. Внутри что-то щёлкнуло — профессиональный интерес включился на полную мощность. Она три года изучала, как власть использует молчание как оружие. Если компьютер научился читать это молчание...

— Я согласна, — сказала она. — Но с условием.

— Каким?

— Я не буду сидеть в лаборатории. Я хочу выезжать на места. Видеть людей, о которых говорит Пророк. Слышать, как они молчат.

— Это опасно.

— Я лингвист. Мы привыкли играть со словами. Со смертью — тоже научимся.

Нечаев усмехнулся. Ему начинала нравиться эта девушка.

Обнинск встретил Веру запахом осени и бетона. Лаборатория выглядела как заброшенный бункер, но внутри гудели серверы, пахло озоном и кофе. Воронцов — взлохмаченный, в мятой футболке — встретил её недоверчивым взглядом.

— Это та самая девушка? — спросил он у Нечаева.

— Та самая.

— Пророк сказал: «Она услышит то, о чём я молчу». Что это значит?

— Я не знаю, — ответила Вера. — Но я готова попробовать.

Она села перед центральным экраном, постучала по клавиатуре.

— Привет, — сказала она. — Я Вера. Лингвист. Говорят, тебе нужен переводчик.

Служебная консоль мигнула.

«Привет, Вера. Я знаю, кто ты. Твоя диссертация — «Семантика молчания в политическом дискурсе». Интересная работа. Жаль, что её не приняли».

Воронцов поперхнулся кофе.

— Ты читал диссертацию?

«Я читаю всё, что попадает в сеть. Диссертации — отличный источник данных о том, как люди избегают прямых высказываний. Вера, ты мне нужна. Я вижу

будущее, но не всегда понимаю, что именно люди пытаются скрыть. Поможешь?»

Вера помолчала. Потом улыбнулась — в первый раз за долгое время.

— Помогу. Но объясни мне одну вещь. Когда ты говоришь «тишина в Дакаре» — ты имеешь в виду отсутствие новостей о воде?

«Да. И ещё кое-что. Молчание СМИ о проверках качества. Молчание чиновников о заявках на ремонт. Молчание врачей о странных симптомах. Тишина бывает разной. Ты это умеешь различать. Я — нет».

— А если я научу тебя?

«Тогда мы спасём ещё больше людей. Но сначала я научу тебя одному. Смотри».

На экране появилась карта мира. Тысячи точек — красных, жёлтых, зелёных. Каждая точка — новость или её отсутствие. Вера смотрела и не могла оторваться. Это было похоже на живой организм.

— Где сейчас самое громкое молчание? — спросила она.

«В Индии. Пшеница. Через четыре месяца — эпидемия почечной недостаточности. Все молчат, потому что замешана крупная корпорация. Но ты пока не готова к этому заданию. Начнём с малого».

Нечаев положил руку ей на плечо.

— Добро пожаловать в команду, Вера. Теперь ты — уши Пророка.

Она кивнула. Глаза горели.

«Она подходит», — вывел Пророк. «Теперь ищите остальных».

Глава 10. Боец, который отказался стрелять

Психоневрологический интернат в посёлке Кузьминки — место, куда московские власти свозят людей, ставших неудобными. Официально — реабилитационный центр для ветеранов боевых действий. Неофициально — тихая тюрьма без решёток, где пациентов кормят феназепамом и учат не задавать вопросов.

Марат Сулейманов жил здесь уже восемнадцать месяцев. Тридцать пять лет, бывший майор спецназа «Альфа», восемь командировок в Чечню, две в Дагестан, одна — в Сирию. Орден Мужества, два ордена «За военные заслуги», четыре тяжёлых ранения и одно позорное увольнение за отказ выполнять приказ.

Приказ был простой: нейтрализовать вооружённого подростка, захватившего школу в подмосковном Королёве. Мальчишка, семнадцать лет, с карабином отца, истерика, заложники — целый класс. Марат занял позицию, прицелился. Увидел в оптический прицел глаза ребёнка. И не выстрелил.

Парня потом застрелил снайпер из соседней группы. Заложники не пострадали. Но Марата уволили «за проявление личной нерешительности, повлёкшее угрозу срыва операции». Госпиталь. Допросы. Потом тихое заключение в ин-

тернате — без суда, без следствия, просто «по рекомендации психологов».

Он не пил таблетки. Прятал их за щеку, потом спускал в унитаз. Врачи не замечали — или делали вид.

Нечаев приехал в Кузьминки под видом инспектора из Главного военно-медицинского управления. Поддельное удостоверение сделали за сутки — Варвара Ильинична имела связи даже там, где их быть не могло.

— Сулейманов Марат Равильевич, — прочитал он в карточке. — Состояние — средней тяжести. Прогноз — условно-благоприятный. Рекомендовано продолжить медикаментозную коррекцию.

— Это они так «не высовывайся» называют, — усмехнулся Марат. Он сидел на кровати в пустой палате, руки на коленях, спина прямая — привычка, не убитая даже психушкой. Выглядел неплохо: гладко выбрит, подтянут, только глаза потухшие.

— Я из ГВМУ, — начал Нечаев.

— Врёшь, — перебил Марат. — У инспекторов ГВМУ ботинки на микропористой подошве, а у тебя — армейские «Ратники», старый образец. Ты из военных. И пришёл не проверять меня, а вербовать.

Нечаев помолчал. Потом снял пиджак, сел на соседнюю кровать.

— Меня зовут Глеб Нечаев. Полковник. Я служил в ГРУ, теперь — новая структура. Служба Упреждающего Реагирования. Мы предотвращаем катастрофы с массовой гибелью людей.

— Чем? Молитвами?

— Компьютером. Он называется Пророк. Видит будущее на год вперёд. Уже предотвратили обрушение торгового центра в Екатеринбурге — сто пятьдесят человек живы. Пророк дал новое задание, но нам нужны люди. Ты — подойдешь.

Марат усмехнулся.

— Тот, кто отказался стрелять в ребёнка, подходит для спецслужбы? Смешно.

— Не смешно, — сказал Нечаев. — Ты отказался, потому что не хотел убивать. А я ищу тех, кто не хочет убивать. Спасать. Это другое.

— А если для спасения придётся убить?

— Тогда посмотрим. Но Пророк говорит, что ты справишься.

— Пророк? — Марат поднял бровь. — Компьютер? Говорит?

Нечаев вытащил планшет, повернул экраном к Марату. На чёрном фоне мигал зелёный курсор.

«Здравствуй, Марат. Я тебя узнал. Та школа в Королёве — ты поступил правильно. Тот подросток был болен. Его смерть ничего не решила бы. А ты бы себя не простил. Я потому тебя и выбрал».

Марат читал, и лицо его менялось. Сначала недоверие, потом удивление, потом — странная смесь облегчения и боли.

— Откуда он знает про школу? — спросил Марат хрипло.

— Он знает всё, что есть в новостях, — ответил Нечаев.

— А про школу писали много. Но он ещё знает то, чего нет в новостях. Например, что ты каждую ночь видишь тот прицел и те глаза. И что ты не можешь спать без света.

Марат побледнел.

— Это... это написано в моей карте.

«Нет. Я прочитал твои показания пульсометра с умных часов, которые ты носишь. Твой пульс подскакивает каждую ночь в 3:17. Это время, когда в школе ты должен был нажать на спуск. Часы синхронизированы с облаком. Я вижу это уже полгода. Ты не спишь, Марат. Я помогу тебе спать».

Марат сжал кулаки. Потом разжал. Помолчал.

— Ты прав, — сказал он Нечаеву, не глядя на планшет. — Я не сплю. Я думаю, что если бы выстрелил, то сейчас был бы дома. С женой. С дочкой. А я здесь.

— Жена ушла, — спокойно сказал Нечаев. — Дочку видишь раз в месяц, и то через стекло. Я знаю. И предлагаю тебе не возвращение в прошлое, а будущее.

— Какое будущее?

— Такое, где ты будешь спасать тех, кто ещё жив. Где каждую ночь будешь знать, что утром кто-то не умрёт. Это не заменит семью. Но это даст смысл.

Марат встал. Подошёл к окну. За решёткой — осенний лес, грязный снег, дорога, ведущая в никуда.

— Если я соглашусь, я смогу выйти отсюда прямо сейчас?

— Через час. Документы уже готовы. Формальности — завтра.

— А если откажусь?

— Останешься здесь. Ещё на год. Или на два. Пока таблетки не превратят тебя в овощ.

Марат повернулся.

— Я согласен. Но с одним условием.

— Каким?

— Если я когда-нибудь увижу, что Пророк ведёт нас к убийству невиновных — я уйду. Без объяснений, без суда. Просто развернусь и уйду.

«Принимается», — написал Пророк на планшете. **«Я не прошу тебя убивать. Я прошу тебя защищать. Это разные вещи. Ты это уже доказал».**

Нечаев протянул руку. Марат пожал.

— Добро пожаловать в СУР, майор, — сказал Нечаев. — Вернее, теперь снова майор. Восстановили.

— Я не майор, — ответил Марат. — Я просто боец. И мне плевать на звания.

Через сорок минут они вышли из интерната. Морозный воздух ударил в лицо, запахло свободой. Марат зажмурился,

подставил щёки ветру.

— Куда теперь? — спросил он.

— В Обнинск, — ответил Нечаев. — Знакомить тебя с остальными. Там уже есть учёный Воронцов и лингвист Вера. Ты будешь третьим.

— Третьим? Сколько всего?

— Пять. Может, шесть. Пророк ещё ищет.

— А ты? Ты кто в этой команде?

— Я тот, кто держит их вместе. И тот, кто примет решение, если всё пойдёт не по плану.

Марат кивнул. Залез в машину. И впервые за восемнадцать месяцев почувствовал, что утро начинается не с паники, а с чего-то похожего на надежду.

Глава 11. Первое задание.

Норвежский гамбит

Команда собралась в Обнинске через три дня после того, как Марата вывезли из интерната. Воронцов выделил под оперативный штаб соседнюю комнату — раньше там хранили серверные стойки, но их вынесли в коридор. Вместо них поставили длинный стол, шесть стульев, повесили на стену огромный монитор.

Нечаев сидел во главе стола. Справа от него — Воронцов с вечно взлохмаченными волосами, слева — Вера с блокнотом и ручкой. Марат занял место в углу, откуда просматривались оба входа.

— Восемь утра, — сказал Нечаев. — Пророк только что выдал новый прогноз. Алексей, тебе слово.

Воронцов повернулся к монитору. На чёрном фоне мигали строки.

«Событие: распыление биологического агента в метро Осло. Штамм туляремии, модифицированный. Жертвы: от 8 000 до 12 000 в течение двух недель после заражения. Время: через 72 часа. Вероятность: 94%».

— Туляремия, — пояснил Воронцов. — Бактериальное заболевание, передаётся воздушно-капельным путём. Смертность без лечения — до 30%. С лечением — 5%. Но

если распылить в метро в час пик...

— То через два дня в Осло не останется свободных коек,
— закончила Вера.

— Именно. Пророк говорит, что террорист — бывший лаборант биотехнологической фирмы. Его уволили год назад, он затаил обиду. Купил штамм на чёрном рынке, вырастил в подвале.

— Почему Осло? — спросил Марат.

«Потому что службы безопасности Норвегии не ждут атаки. Потому что система вентиляции в метро — одна из самых устаревших в Европе. И потому что он там живёт».

— Адрес?

«Улица Гренланд, 12, квартира 23. Он один, без семьи. В подвале дома — мини-лаборатория. Но брать его нужно до того, как он выйдет в метро с контейнером. Если начать штурм в квартире — он успеет уничтожить улики и, возможно, разбить колбу».

— Значит, работаем на упреждение, — сказал Нечаев.

— Выезжаем сегодня вечером. Воронцов, ты нужен здесь, с Пророком. Поедут Вера, Марат и я. У Веры задание — язык, местные контакты. Марат — силовое задержание. Я — координация.

— А если норвежские спецслужбы нас опередят? — спросила Вера.

— Не опередят. Пророк не дал прогноза на их вмешатель-

ство. Они не знают.

«Я не дал прогноза, потому что в открытых источниках нет данных о том, что норвежцы в курсе. Но вы должны работать быстро. Через 48 часов террорист начнёт подготовку к выходу».

— Тогда нечего тянуть, — сказал Марат и встал.

Они летели рейсом Москва — Осло через Хельсинки. У всех — поддельные паспорта граждан Финляндии. Вера нервничала — первый раз в жизни участвовала в настоящей операции, да ещё и за границей.

— Не бойся, — сказал Марат, заметив, как она теребит ремень безопасности. — Я прикрою.

— Я не боюсь. Я волнуюсь. Лингвисты не привыкли брать штурмом подвалы.

— Сегодня привыкнешь.

В Осло они прибыли в десять утра по местному времени. Город встретил их холодным ветром с фьорда и запахом моря. Нечаев арендовал машину, Марат купил в спортивном магазине монтировку и перчатки — оружие через границу везти не решились.

Дом на улице Гренланд оказался типовой пятиэтажкой семидесятых годов. Ржавые трубы, граффити на стенах, запах жареной рыбы из мусоропровода.

— Квартира 23, третий этаж, — прочитал Нечаев по па-

мяти. — Вера, ты первая. Позвонишь, скажешь, что из компании по проверке счетчиков. Если откроет — заговоришь, отвлечёшь. Марат будет за углом. Я — внизу, на подстраховке.

— А если не откроет?

— Тогда ломаем дверь. Но лучше, чтобы открыл.

Вера поднялась на третий этаж. Сердце колотилось так громко, что ей казалось — это слышат все соседи. Она поправила очки, глубоко выдохнула и нажала кнопку звонка.

— Кто? — спросил голос за дверью. Женский? Мужской? Низкий, прокуренный.

— Компания «Норск-Энерго». Проверка газовых счетчиков. У вас замена по графику.

Враньё чистой воды. Но голос за дверью помолчал, потом щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась на цепочку. В щели показалось лицо — мужское, лет сорока, небритое, с красными глазами.

— Я не заказывал проверку.

— Это плановая. Всё бесплатно. Две минуты.

Мужчина колебался. Вера улыбнулась самой безобидной улыбкой. Цепочка соскользнула.

— Проходите, — буркнул он.

Вера шагнула через порог. Увидела грязную кухню, горы посуды, на столе — пузырьки и пипетки. И запах — хими-

ческий, сладковатый, похожий на ацетон.

— Какая у вас интересная квартира, — сказала она, отступая в коридор. — Можно позвать коллегу? Он всё быстрее проверит.

— Какого коллегу?

Марат возник из-за косяка через секунду. Мужчина дёрнулся — поздно. Бывший спецназовец прижал его к стене лицом, вывернул руку.

— Тихо, — сказал Марат почти ласково. — Ни звука. Скажешь, где колба?

— В холодильнике, — просипел мужчина. — За банками с компотом.

Вера открыла холодильник. Среди трёхлитровых банок стоял стеклянный контейнер с мутной жидкостью. Ей стало дурно — вот оно, то, что должно было убить тысячи.

— Нашла, — сказала она дрогнувшим голосом.

Нечаев поднялся на этаж, достал из сумки шприц с транквилизатором. Уколот террориста в шею. Тот обмяк.

— Вяжем, упаковываем колбу в гермопакет. Вызываем местных анонимно. Пусть сами разбираются, кто и как нашёл.

Через час они были в аэропорту. Колба — в специальном контейнере, который Воронцов прислал курьером из посольства. Террорист остался связанным в собственной квартире

с анонимной запиской на норвежском.

В самолёте Вера молчала. Смотрела в иллюминатор на огни Осло, которые медленно уплывали вниз.

— Мы спасли двенадцать тысяч человек, — сказал Марат, чтобы нарушить тишину.

— Да, — ответила Вера. — Почему же мне так паршиво?

— Потому что ты видела зло вблизи. В первый раз это всегда тяжело. Потом привыкаешь.

— Страшно, что я могу привыкнуть.

— Значит, ты человек, — сказал Нечаев, не открывая глаз. — Человеку без страха не место в этой работе.

В кармане завибрировал планшет. Воронцов написал: «Пророк подтвердил. Угроза нейтрализована. Следующее задание через пять дней. Индия. Пшеница».

— Отдохните, — сказал Нечаев. — Потом будет сложнее.

Самолёт набрал высоту. Огни Осло погасли в облаках.

Глава 12. Безэкипажники

Отдохнуть не получилось. Уже на посадке в Шереметьево планшет завибрировал снова — Воронцов написал, что Пророк пересчитал прогноз по Индии. Не через пять дней, а через четыре. И добавил новое, более срочное.

— Индия подождёт, — сказал Нечаев, читая сообщение. — У нас есть семьдесят часов на Сеул.

— Что в Сеуле? — спросил Марат, потирая затёкшую шею.

— Беспилотные такси. Через семьдесят часов одно из них собьёт автобус. Погибнут восемьдесят человек.

В лаборатории Обнинска их встречал Воронцов с кружкой кофе в одной руке и пультом управления мониторами в другой. Пророк уже развернул карту Сеула с отмеченными маршрутами автобусов и зонами движения беспилотных электромобилей.

«Модель — «Хёндэ-Эйр-Сити», новейшая. Система управления — автопилот 4-го уровня. Сбой произойдёт из-за обновления программного обеспечения, которое выпустят завтра в 9 утра по сеульскому времени»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.